

Свадебный дарообмен у калмыков*

Kalmyk Wedding Rites: the Gift Exchange

Т. И. Шараева (T. Sharaeva)¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и археологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: sharaevati@yandex.ru

Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Department of History, Ethnology and Archaeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: sharaevati@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается свадебный дарообмен в традиционной свадебной обрядности калмыков. У калмыков, как и у других монголоязычных народов, дарение и ответный дар на него (подарок — отдарок) как коммуникативное действие имело большое значение в системе социальных связей. В канве свадьбы различали подарки в виде одежды и ее атрибутов, домашними животными и определенным набором продуктов. Данная традиция свадебного дарообмена у калмыков тесно связана с оказанием обязательной помощи *дем*, которую представители одного кровнородственного коллектива оказывали во время подготовки к свадьбе.

Ключевые слова: калмыки, свадьба, подарки, одежда, домашние животные

Abstract. The article examines the gift exchange rites within the system of Kalmyk wedding traditions. Being a Mongolic people, the Kalmyks attached great importance to gift exchanges ('a gift — a return gift') as a communicative means to strengthen social ties. The wedding rites included gifts in the forms of garments and related accessories, livestock and certain product sets. The gift exchange tradition among the Kalmyks is closely connected to the concept of '*dem*', a compulsory material aid rendered by kindred individuals when preparing for a wedding.

Keywords: Kalmyks, wedding, gifts, garments, livestock

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование этнических культур монголоязычных народов в условиях социокультурного взаимодействия» (№ госрегистрации: 115062510041).

Свадебный комплекс калмыков сформировался в соответствии с социальными связями в традиционном калмыцком обществе, представлениями о реальном социальном и космологическом бытии.

Через призму свадебных обрядов можно понять, как была устроена социальная организация в традиционном калмыцком обществе. Несмотря на то, что калмыки к концу XIX в. проживали малой семьей, отношения большой патриархальной семьи были преобладающими и регулировали внутрисемейные отношения. Калмыки собирались большой семьей на общеродовые моления, праздники, свадьбы, похороны и т. д. Поэтому процессы социализации молодого поколения и налаживание новых родственных связей находились в компетенции всех родственников. Знание правил родства и родственников многих поколений помогало избежать кровосмешения. В калмыцкой сложной системе родства родственники, в первую очередь, делились на старших и младших (*ах болн ду*), родственников по отцовской линии — *авһнр*, родственников по материнской линии — *наһцнр*. После свадьбы представители обеих сторон считались родственниками по браку — *худнр*, родственники жены — *хадмуд*. Зятя называли *курґн*, сноху — *бер*. Все родственники по линии отца для женщины, вышедшей замуж, становились *төркн / берин төркн*, посещение которых становилось возможным примерно через год и более или после рождения первого ребенка.

Весь традиционный свадебный комплекс у калмыков можно представить как акт коммуникации между двумя сторонами, где «<...> значительное место занимает знаковая прагматика, поскольку ритуал как механизм, санкционирующий повседневную жизнь, одновременно выражал и практическое, и символическое» [Обряды ... 2002: 205]. Поэтому вся структура свадебной обрядности представляет собой «систему» кодированных символов традиционного мировоззрения, «язык» которой понятен всем представителям этноса.

Ритуализированный обмен подарками (свадебный дарообмен) происходил в канве свадебной обрядности калмыков на всех ее этапах. По мнению Н. Л. Жуковской, у монголоязычных народов коммуникативное действие как дарение и ответный дар на него (подарок — отдарок) имел большое значение в системе социальных связей. Исследователь выделяет в них несколько различных уровней

во взаимосвязи с социальными ценностями: обмен подарками на свадьбе; эпическое или реальное побратимство; форма вассальных отношений между низшими и высшими сословиями; составная часть гостеприимства [Жуковская 1988: 100–109].

В свадебной обрядности монголоязычных народов, в том числе калмыков, обмен дарами имел отработанный сценарий, «<...> где подарки выступали не только вещественной, материально значимой формой, но и как символ закрепления родственных отношений» [Жуковская 1988: 101]. Так, например, мужской пояс, подаренный отцу невесты на сватовстве, символизировал договоренность сторон о предстоящей свадьбе.

Пояс у калмыков являлся частью традиционного мужского и девичьего костюмов; замужние женщины его не носили. Пояса носили матерчатые или кожаные с различными металлическими накладками, обусловившими бытование различных наименований поясов. Появление в обществе без пояса считалось большим позором. По достижении возраста более сорока лет, т. е. с момента вступления в иную возрастную группу — пожилых людей, отец передавал свой пояс сыну.

Ношение пояса у калмыков связано с понятиями о чести и достоинстве не только одного конкретного человека, но и всего родового коллектива, к которому он принадлежит. Собственноручное вручение на сватовстве отцом жениха отцу невесты пояса «в знак скрепления союза» [Небольсин 1852: 65] символизировало верность слову, открытость и установление доверительных родственных отношений.

Кроме него, сторона жениха вручала стороне невесты набор предметов с символическим значением: белый платок с завязанными в него серебряными монетами, клей (столярный или рыбий) *зусн* и плиточный чай. Белый платок символизировал чистоту помыслов, клей означал неразрывность брачного союза, серебряные монеты — символ богатства, счастья и долголетия. Вручение плиточного чая, из которого калмыки варили молочный чай, использовавшийся и в повседневной жизни, и в обрядовой практике как напиток с сакральным значением, символизирует, по нашему мнению, единение сторон с этого момента и питание из «одного котла» как близких родственников.

Рассматривая дарообмен на свадьбе у калмыков, необходимо различать два основных вида подарков: подарки в виде одежды и ее атрибутов (*өмскүл*) и подарки, которыми могут быть как домашние животные, так и какие-либо другие продукты *хүрмин белг* ('букв. свадебный подарок').

В калмыцком языке термин *өмскүл* обозначает: '1) наряд, одевание; 2) подарок' [КРС 1977: 416]; термин *өмскх* — '1) одевать, надевать; 2) обувать' [КРС 1977: 416].

На свадьбе у калмыков в XIX в. женщинам дарили платья и халаты или отрезы ткани на их изготовление. Пожилым мужчинам и женщинам чаще дарили скроенные, но не сшитые халаты или отрезы ткани, достаточные для изготовления халатов. Независимо от гендерного и возрастного деления — дорогие шубы.

Практика дарения головных уборов и сапог в XIX в. не была широко распространена, хотя они присутствовали в качестве подарков среди так называемых «ценных вещей» в XVII–XVIII вв. По свидетельству П. И. Небольсина, сторона жениха на сватовстве старается «<...> вывести, как велик должен быть расход с их жениховой стороны, и какие именно предметы должны они принести в дар почетным людям, например, владельцу и зайсангам, почетным знакомым и ближайшим родственникам невесты. Отец невесты объявляет свой расчет, что такому-то надо подарить лошадь, такому-то халат, такому-то довольно и барана, и подводит итог всему <...> это условие у калмыков называется „унулга“ и „юмсюлгё“» [Небольсин 1852: 71]. Указанный П. И. Небольсиным термин *юмсюлгё* является русифицированным написанием фразы *юм өмсх*, что в переводе с калмыцкого означает 'что-либо одевать/надевать'; связан с традицией дарения одежды. Термин *унх* означает в калмыцком языке: '1) садиться верхом; 2) ехать верхом; 3) падать, сваливаться' [КРС 1977: 534]. В свадебной традиции калмыков термин *унх* (*уннулх* 'букв. ехать верхом, садиться на коня') обозначал дарение коня родным невесты. Таким образом, оба термина указывают на формы подношения подарков на свадьбе у калмыков.

Преподнесение в подарок одежды *өмскүл өмскх / өмскүл өмсклһн* и домашних животных, вероятно, является остаточной формой калыма. М. М. Батмаев, подробно рассмотревший данный вопрос, отмечал, что «хотя данных по XVII веку пока не обнару-

жено, но анализ Законов 1640 г. (здесь: «Их Цааз», монголо-ойратское уложение 1640 г. — *Т. III.*) позволяет сказать, что в названном веке калым <...> у калмыков в той или иной форме существовал. В XVIII веке уплата калыма стороной жениха меняет свои формы или вообще не уплачивается <...>. В XIX веке уплата калыма исчезает, заменяясь взаимными подарками» [Батмаев 2008: 168].

Согласно нормам, прописанным в Законах 1640 г., в аристократических семьях в качестве выкупа за невесту брали 30 ценных вещей, 150 лошадей и 400 овец или 15 ценных вещей, 50 лошадей и 100 овец. Размер приданого зависел от количества скота, данного в качестве выкупа за невесту [Их Цааз 1981: 19]. За дочь *дэмчи* (сборщика налогов) полагалось дать 5 верблюдов, 25 бодо (1 бодо = 1 конь, 1 корова, 5 овец) и 40 овец. Приданое в таком случае должно было включать 10 готовых платьев и 20 отрезов несшитых, безрукавки, шубы, седла, узду, 2 верблюда и 2 лошади [Их Цааз 1981: 19]. У простолюдинов выкуп выдавался в количестве 2 верблюдов, 10 бодо и 15 овец, приданое же должно состоять из коня, верблюда, шубы, безрукавки, седла и узды [Их Цааз 1981: 20].

В свадебной обрядности калмыков в XIX в. состоятельные семьи еще на сватовстве в качестве подарка родителям невесты и близким родственникам привозили дорогие шубы и приводили коней. Те родственники, которые получили лошадей от жениха на сватовстве, должны были отправить в приданое невесты дорогостоящие предметы быта, одежду и шубы для подарков родным жениха. В малообеспеченных семьях ограничивались дарением наплечной одежды, платков, поясов, кисетов и т. д. Прибывших со стороны жениха гостей, в свою очередь, одаривала сторона невесты.

Обязательный приезд жениха *күрг үзүлһн* у калмыков (четвертая поездка из пяти в предсвадебном цикле, которая осуществлялась после сватовства) также заключал ритуалы поднесения подарков. Жених из состоятельной семьи приводил невесте лошадь в качестве подарка, привозил дорогие шубы, халаты, деньги; бедные ограничивались простыми подарками в виде одежды и отрезков ткани. В первый день он делал подарки родителям невесты, близким родственникам. Вечером первого дня мать невесты отводила жениха в кибитку, где гуляла молодежь, и указывала ему место для расположения прямо перед невестой. Согласно традиционному этикету,

жених вручал подарок невесте, стоя перед ней на левом колене, склонив при этом голову и держа подарки в правой руке, а левой, поддерживая локоть правой руки, преподносил свои дары. Привезенные подарки невеста тщательно рассматривала с подругами. Это делалось для того, чтобы показать всем присутствующим гостям подарки жениха. Взамен она одаривала жениха каким-нибудь подарком, например, собственноручно вышитым кисетом [Шалхаков 1982: 24–25].

Вручались также подарки в виде отрезов ткани для изготовления одежды, платки и кисеты представительницам стороны жениха, которые приезжали к родителям невесты для изготовления частей приданого во время заключительной поездки в предсвадебном цикле.

На свадьбе совершается обязательно взаимное подношение подарков в виде одежды *өмскүл өмсклһн*. Самые дорогие подарки получали главы брачующихся сторон и родители молодоженов, что подчеркивало их высокий статус при проведении обрядов свадебного цикла. Ритуальные действия, совершаемые при подношении подарков, заключаются в тоекратном встряхивании вещи и вдевании в один рукав или возложении на плечо, при этом женщинам кладут на левое плечо, а мужчинам — на правое.

У. Д. Душан указал, что верхнюю одежду пожилым людям калмыки дарили следующим образом: «<...> человеку подавали сзади так, чтобы он надел только правый рукав, а левый же оставался на плече. Все шубы и халаты, предназначенные для подарков, не должны были иметь ни пуговиц, ни карманов. Шили их тоже не аккуратно, а кое-как. Таков был обычай» [Душан 1976: 49].

Согласно традиционному мировоззрению калмыков, оставление наплечной одежды, не сшитой до конца, маркирует принадлежность к противоположным противоборствующим мирам (= родам), принадлежность к «иному» миру, вместе с тем — приближенность к миру предков, а также подчеркивает статус пожилых людей в роду и семье.

Невесту на сторону жениха сопровождали родные *күргүлин улс*, которых перед отправлением обратно домой обязательно одаривала сторона жениха. Очередной обмен подарками происходил во время приезда родных невесты примерно через месяц после свадьбы *берин төрһн / күүкнә ардас*.

Официальное посещение невестой своих родных, чаще происходившее после рождения первенца, в сопровождении близких родных мужа называлось у калмыков *төркилһн*. Однако, как отмечает У. Э. Эрдниев, до официального посещения «обычай разрешал ей посещение своих родных, но она не должна была входить в дома кровных родственников, и, разговаривая с ними, сидела перед порогом дома или кибитки на кошке <...> ей разрешалось переступить порог родных, если она принесет жертву покровителю домашнего очага <...> означало акт обратного приобщения родного человека, ставшего „чужим“ после ухода в результате брака в другой род» [Эрдниев 1970: 200]. Официальный визит замужней дочери к родителям отмечался пышно: родные устраивали большой пир, на который обязательно приходили все жители хотона родителей и близкие родственники из других хотонов. Долю праздничного угощения составляли продукты, привезенные замужней дочерью, она также привозила подарки всем близким родственникам. По обычаю невесту все прибывшие на пир одаривали различными подарками в большом количестве, так как по качеству и количеству подарков после посещения родных судили о благосостоятельности всего рода невесты.

Калмычки из аристократических семей получали во время своего приезда в подарок большое количество домашнего скота. Как отмечали исследователи, «каждый приезд дочери к своим родителям сопровождается подарками ей, в которых принимают участие все ее родственники (тёрел); если приезжает замужняя дочь зайсанга или нойона в свой род, то в подарках участвуют в первом случае аймачные зайсанги, а во втором — также не только весь род, но даже улус» [Житецкий 1893: 26].

По возвращении от родных посмотреть на подарки приходили все родственники и однохотонцы мужа. Эти подарки имели большое значение и для молодой снохи: если подарки были хорошими, отношение к ней менялось на хорошее.

Традиция калмыков одаривать вступающих в брак родственников подарками, имеющими хозяйственное предназначение, напрямую связана с их родовой структурой. У калмыков при проведении свадьбы все представители близкородственных семей оказывали посильную помощь *дем*, «<...> ответом на которую будет точно

такое же участие данной семьи в аналогичных свадебных церемониях своих родственников <...> является долгом и моральным обязательством внутри кровнородственного коллектива» [Жуковская 1988: 103]. Взаимопомощь *дем* могла выражаться как внесением определенной денежной суммы, продуктами, отрезами ткани, атрибутами традиционного костюма, так и скотом, который мог быть продан, использован для приготовления угощения свадебного стола либо для подарка *хурмин белг*.

Традиция оказания *дем* домашними животными носила название *демд мал заах* ('букв. выделить скот для *дем*'). Родственники, которые принимали участие в *дем*, могли рассчитывать на получение своей «доли» свадебных подарков или угощения, например, близкие родственники невесты получали в подарок коня (часто стороны обговаривали еще на сватовстве, кому из родных и какого именно коня необходимо подарить). Обязательным было оставление части свадебного угощения тем родственникам, которые уехали, сопровождая невесту, и передача «доли» свадебного угощения *хурмин хув* ('букв. свадебная доля') тем родственникам, которые не смогли присутствовать на свадьбе, но участвовали в составлении *дем*.

Взаимопомощь и взаимодействие *дем* всех представителей родовой группы невесты у калмыков выражалось в составлении приданого, выделении продуктов и скота для свадебного угощения, подарков для родных жениха. Так, с момента проведения сватовства родные по очереди приглашали девушку к себе в гости, угощали, подносили какой-нибудь подарок, давали наставления по ведению будущего домашнего хозяйства и нормам поведения замужней женщины. Платки, кисеты и отрезы ткани, которые она получала от родных в большом количестве, она позднее везла в так называемом *берин авдр* 'сундуке невесты' как подарки снохам семьи и рода жениха, что символизировало также установление родственных отношений и вступление ее в сообщество снох.

В свою очередь снохи стороны жениха отправляли со свадебным «поездом» свои подарки — долю снох (*берэчүдин хув*) в виде платков, сладостей, мучных изделий *боорцг*. Эти подарки вносили первыми, стараясь таким образом «задобрить» снох рода невесты, чтобы они не препятствовали в дальнейшем увозу невесты.

Такая форма раздачи подарков и передачи свадебного угощения всем представителям одного кровнородственного коллектива у калмыков является одновременно и формой дарообмена, и формой взаимопомощи. Кроме того, возможно, указывает на существование в прошлом выплачиваемого стороной жениха калыма, составлявшегося всей родовой группой: «Кто даст в порядке оказания помощи /одно/ бодо (= 1 конь, 1 корова, 5 овец), тот получит / из приданого невесты / сшитое платье, а кто даст овцу, тот получит отрез на платье. Но ничего нельзя брать из платья невесты», а «если / десять кибиток / не окажут помощи в женитьбе, то взять с них штраф в виде наказания — два верблюда, пять лошадей и десять овец» [Их Цааз 1981: 20].

Таким образом, посредством проведения свадебных ритуалов и обрядов прослеживается единение родственного социума для поддержания одного из его членов в кризисный для него период. Свадебный дарообмен у калмыков выполняет в свадебной обрядности функцию обрядового «внедрения» и «освоения», оформляет установление новых родственных отношений, внедрение новых членов и изменение социального статуса.

Литература

- Батмаев 2008 — *Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ИД «Герел», 2008. 256 с.
- Душан 1976 — *Душан У. Д.* Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 5–89.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков: этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 87 с.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 196 с.
- Их Цааз 1981 — Великое уложение (Их Цааз). Памятник монгольского феодального права XVII в. // Перевод сводного ойратского текста «Их Цааз» и указов Галдан-хана: текст воспроизведен по изд.: Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / под ред. Г. Д. Санжеева. М.: Наука, 1981. 148 с. [электронный ресурс] // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Ojrat_ulozenie_1640/frametext.htm (дата обращения: 15.07.2018).

- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 190 с.
- Обряды ... 2002 — *Обряды* в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева, Т. Д. Скрынникова; отв. ред. Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- Шалхаков 1982 — *Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.
- Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX – начало XX в.): историко-этнографические очерки. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. 312 с.

References

- Batmaev M. M. Kalmyk traditions: family and marriage. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Customs and rituals of pre-revolutionary Kalmykia. *Etnograficheskiy sbornik*. Is. 1. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Literat. and Hist., 1976. Pp. 5–89. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: historical and ethnographic essays, late 19th – early 20th cc. Elista: Kalm. Res. Inst. of Hist., Lang. and Literat., 1970. 312 p. (In Russ.)
- Kalmyk–Russian dictionary. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: essays on everyday life. St. Petersburg: Tip. Karl Kray, 1852. 190 p. (In Russ.)
- Shalkhakov D. D. *The Kalmyks: family and marriage* (19th – early 20th cc.). Elista: Kalm. Book Publ., 1982. 86 p. (In Russ.)
- The Great Code of Laws (*Ikh Tsaaz*): a 17th-century monument of Mongolian feudal law. A translation of the integrated *Ikh Tsaaz* text and Galdan Khan's laws. Reprint (online): *Ikh Tsaaz*: (The Great Code of Laws): a 17th-century monument of Mongolian feudal law. G. D. Sanzheev (ed.). Moscow: Nauka, 1981. 148 p. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 15 July 2018). (In Russ.)
- Traditional Buryat culture: rituals. D. B. Batoeva et al.; T. D. Skrynnikova (ed.). Moscow: Vost. Lit., 2002. 222 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Essays on everyday life of Astrakhan Kalmyks: ethnographic observations, 1884–1886. Moscow: M. G. Volchaninov, 1893. 87 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Traditional culture of Mongols: categories and symbols. Moscow: Nauka, 1988. 196 p. (In Russ.)